

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

И. С. Чичуров. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV—начало IX в.). — Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1981 г. М., 1983.

Рецензируемая монография И. С. Чичурова занимает большую часть пятого по счету выпуска сборника «Древнейшие государства на территории СССР», издаваемого Институтом истории СССР АН СССР. Напомним, что в предыдущем выпуске того же ежегодника публиковалось исследование М. В. Бибикова, посвященное византийским источникам по истории Руси, Северного Причерноморья и Северного Кавказа¹. Обе работы имеют преимущественно теоретический характер и скорее заполняют лакуны в византиноведении, нежели прибавляют что-нибудь к нашим сведениям о народах, некогда населявших территорию СССР. Еще пару десятилетий назад появление таких исследований на страницах специального исторического, но отнюдь не византиноведческого издания было бы невозможно, сейчас их публикация не вызывает ни у кого удивления. Дело здесь не в изменении взглядов или появлении каких-то новых личных пристрастий у издателей и редакторов, а в необыкновенном расширении смысла, которое претерпело в последние годы само понятие исторического источниковедения. Ну какое, казалось бы, отношение имеют сообщения нарративных источников о русских, печенегах, аланах и т. п. к подробным изысканиям в областях византийской литературы! Однако заимствовать из нарративного источника даже самые конкретные факты, отвлекаясь от политического, социального, культурного и литературного контекста, стало ныне не только неприличным, но даже и небезопасным². Обращаясь за сведениями к источнику, его нужно теперь изучать в самом широком аспекте и в самых разнообразных отношениях. Не станем спорить о необходимых границах подобного расширения понятия источниковедения (у всего

в конце концов должны быть известные пределы!). Пока что от такого «раздвижения границ» источниковедения одна польза, как для полноты извлекаемых фактов, так и для изучения самих источников, о чем свидетельствует и издание обеих упомянутых монографий.

Появление этих исследований вызвано и другой причиной — новыми тенденциями, проявившимися в последние годы в изучении уже конкретно византийской историографии. Эти новые тенденции, по сути дела, отказ от старых аксиом, первая из которых была четко выражена теоретически, а вторая молчаливо признавалась всеми византиноведами. Согласно первой аксиоме, берущей свое начало от К. Крумбахаера, вся византийская историография четко разделялась на два почти не смешивающихся один с другим жанра — «история» и «хронография». Все по К. Крумбахеру, различно в этих жанрах: хроники начинались с сотворения мира, писались большей частью полуграмотными монахами, адресовались широким монашеским кругам и почти не имели связи с античной традицией. Напротив, «истории» посвящались определенному отрезку времени, написаны были светскими и весьма искусственными в античной образованности авторами, имели сравнительно небольшие «тиражи» и были обращены к образованной элите византийского общества. Согласно второй аксиоме византийские хроники вообще почти лишены историко-культурного значения и представляют интерес лишь в так называемых самостоятельных частях, как источники исторического знания; части же компилятивные, в той мере, в какой сохранились их источники, — вообще никому не нужное добавление. «Истории», напротив, хотя и представляют подчас весьма значимое историческое и литера-

¹ Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.). — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1980 г. М., 1981.

² См., например, суровые нападки на подобный «потребительский» способ обращения с источниками в статье: Петрухин В. Я. Три центра Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция. — В кн.: Художественный язык средневековья. М., 1982, с. 143.

турное явление, однако суть их литературной природы сводится к той или иной степени мимесиса — подражания античным образцам. Оба названных постулата оказались под огнем критики в последние десятилетия. Выразившиеся и ранее сомнения в справедливости четкого деления византийской историографии на «историю» и хроники были окончательно обоснованы и систематизированы Г.-Г. Беком в 1965 г.³, а унизительное отношение к самостоятельной культурной ценности византийской историографии стало сменяться пристальным вниманием к проблемам ее внутренней формы, эволюции и литературных особенностей⁴.

Обе названные тенденции характерны и для книги И. С. Чичурова. «Хронография» Феофана рассматривается на широком фоне исторической литературы IV—IX вв., при этом никакие жанровые ограничения в расчет не принимаются, а сама «Хронография» для И. С. Чичурова прежде всего культурно-исторический, социально-психологический и литературный феномен и уже «в десятую очередь» — собрание исторических фактов. Знаменательно, что компилятивные части сочинения Феофана привлекают ученого в противоположность всем остальным исследователям значительно больше самостоятельных, поскольку именно там сравнением с оригиналами можно выявить своеобразие изучаемого произведения.

Нельзя не восхититься дерзостью автора: собираясь продемонстрировать новый подход к византийской литературе, намереваясь высветить ее творческое начало, И. С. Чичуров выбирает одного из скучнейших византийских историков, заучивно переписывавшего сочинения своих предшественников и столь же бескрасочно излагавшего события близкого ему времени.

Определяя место Феофановой «Хронографии» в византийской историографии, И. С. Чичуров, как и должно, выбирает подлежащие исследованию аспекты, определяет соответственно и методы их изучения. Как это ни парадоксально звучит, выбор аспектов изучения некоторым образом произволен и даже подчинен прихоти исследователя. Для И. С. Чичурова оказались интересными проблема авторского самосознания Феофана, вопросы взаимоотношения «Хронографии» с ее источниками, становление парадигмы идеального императора в ранневизантийской хронистике, критика в «Хронографии» императоров, а также некоторые другие вопросы. Все это, безусловно, важные проблемы, но для решения своей задачи — определения места «Хронографии» в развитии исторической прозы — исследователь почти с тем же успехом мог бы сконцентри-

ровать свое внимание и на других и при этом должен был бы прийти к аналогичным выводам, если, конечно, методы его работы оказались бы и достаточно надежны, и достаточно объективны.

Таким образом, мы приходим к ключевой для каждого исследователя проблеме методов, заслуживающей того, чтобы на ней остановиться несколько подробнее. Византиноведение с помощью классической филологии выработало достаточно надежные способы историко-ведческого анализа. Не станем утверждать, что их возможности в применении к «Хронографии» Феофана исчерпаны окончательно, однако открытый на этом пути ожидать явно не приходится. Источник в этом отношении уже предоставил почти все, что мог. Тем не менее любой источник в принципе неистощим, все зависит от того, «какие вопросы мы ему задаем», на нетрафаретные вопросы и нетрафаретные методы исследования источник дает подчас и нетрафаретные ответы.

И. С. Чичуров и некоторые другие современные исследователи стремятся поэтому получить не «прямую» и, по сути дела, конечную по объему информацию, а, так сказать, информацию косвенную, которой еще не касались руки ученых и о существовании которой не подозревал и сам Феофан (высчитывая, например, и сравнивая количество употреблений слов с понятием город — πόλις). И. С. Чичуров пытается проследить развитие константинопольского партикуляризма у разных историков). Естественно при этом стремление ряда античников и медиевистов распространить на свои области достижения литературоведения последних лет (если говорить о советской науке, то это главным образом методика, восходящая к книгам М. М. Бахтина). Беда, однако, в том, что, прекрасно оправдывающие себя на одном литературном материале, они отнюдь не всегда «работают» на другом, нередко производя впечатление искусственности и вымученности, как это, по нашему мнению, и случилось при недавней попытке применить ныне весьма модный «хронотоп» к оценке отрывочных свидетельств византийских авторов о варварах. И. С. Чичуров большей частью не заимствует чужие, а ищет свои методы анализа материала. Для каждого раздела исследования они специфичны и тем не менее обладают одним общим свойством: в их основе лежит максимально широкое привлечение и соположение параллельного материала и фактов, с одной стороны, и выбор четких критериев для их сопоставления — с другой. В результате ничего не говорящие факты вдруг ока-

³ Beck H.-G. Die byzantinische «Mönchschronik». — In: Beck H.-G. Ideen und Realitäten. Variorum Reprints. L., 1972.

⁴ Весьма характерным образчиком этой тенденции является опубликованная на страницах «Византийского временника» статья Р. Досталовой «Византийская историография (характер и формы)» (ВВ, 1982, т. 43).

зываются весьма красноречивыми. Проиллюстрируем это на одном лишь примере — анализе предисловий, так называемых прооимонов, исторических сочинений. В конце прошлого века анализу прооимонов посвятил исследование немецкий ученый Либерих⁵. Эта вполне, конечно, традиционная работа выявляла клише в древних и средневековых исторических преамбулах и определяла их первоисточники. Уже в наши дни на значение прооимонов указал С. С. Аверинцев, рассматривавший их в контексте своих представлений о противоположности античной «литературы» и ближневосточной «словесности»⁶. Прооимон, по С. С. Аверинцеву, подчеркивал замкнутость и пластичность античной формы и был в историческом повествовании своего рода «литературным жестом», изготовкой к предстоящему долговому повествованию. Хотя многие из преамбул (у Евагрия, например) составлялись уже после завершения исторического сочинения и, таким образом, никак не могли быть «изготовкой к предстоящему сочинению», тем не менее их важность как авторских деклараций о целях и задачах исторических трудов не подлежит сомнению. И. С. Чичуров привлекает все известные ему преамбулы как светских, так и церковных историй, вычлняет их стандартные мотивы, сравнивает этот материал с зачином Феофановой «Хронографии» и обнаруживает там формализацию традиционных элементов прооимона, исчезновение из него всего индивидуального и личного. Преамбулы у Феофана, по И. С. Чичурову, перестали быть «коррелятом замкнутой и вычленившейся авторской индивидуальности». Феофан вообще отказывается от авторского «я» и творит на грани авторской анонимности. Последний вывод подкрепляется анализом всей художественной ткани произведения, особенно же писательских ремарок и других случайных «прорывов» историка в текст.

В приведенном примере сказалась характерная особенность метода исследователя: привлечение предельно полного материала, нанизывание однотипных фактов, а также подбор множества аргументов, среди коих нет ни одного решающего, но которые в массе своей делают авторские заключения вполне убедительными (в этом смысле мы имеем дело с многократно дублированной системой надежности, если один из доводов оказывается недействительным, его место замещает другой). Любопытно, как подобное массовое сопоставление фактов наталкивает подчас на неожиданные заключения, не запланированные подчас и самим исследователем. Так, из сравнения тех же прооимонов становится ясным, что граница в развитии авторского самосознания, отражающего, по сути дела, представления о месте че-

ловека в мире, проходит не между «языческим» и «христианским», как это обычно допускается, а между «античным» и «средневековым». Конфессиональные причины оказываются в этой мировоззренческой проблеме отнюдь не главными.

Не скроем, не все выводы автора книги представляются одинаково убедительными. Подчас трудно избавиться от впечатления, что исследователь «придумывает теорию» там, где все может быть просто объяснено вещами житейскими и бытовыми. Вот один из примеров. И. С. Чичуров наблюдает и оригинально объясняет тот факт, что, переписывая свои источники, Феофан до крайности обедняет все географические отсылки и безбожно путает топонимику (за исключением константинопольской, которую, как правило, сохраняет полностью). Однако нужно ли, как это делает автор, писать об «ослаблении внимания Феофана к пространственной конкретно-географической стороне повествования» и о том, что «локальный космос ограничен у него стенами Константинополя», не достаточно ли сослаться на то, что Феофан пересказывает, иногда и по памяти, большие куски текста своего оригинала и при этом, естественно, выпускает географические подробности, особенно если они относятся к малознакомым ему местностям? Не менее естественно и то, что исконный столичный житель хорошо ориентируется в константинопольской топографии. Впрочем, не будем спешить с обвинениями исследователя в сумердрии: простые ошибки, не переставая быть обыкновенными неточностями, вполне могут свидетельствовать и о глубоких психологических процессах, о сознательных, полусознательных или даже подсознательных установках автора. Слишком незначительны наши знания в области психологии творчества средневековых писателей, чтобы выносить окончательные суждения. Кстати, книга И. С. Чичурова в значительной своей части и есть попытка проникнуть в психологию творчества одного из самых «безличных» византийских писателей. Какие внутренние причины побуждали Феофана выпячивать одни детали в тексте оригинала и затемнять другие, что двигало Феофаном, когда он «забывал» сообщать о положительных чертах императоров, но подробно расписывал недостатки, почему образ Константина Великого приобретает характер своеобразной парадигмы — такими вопросами постоянно озадачен исследователь. По сути дела, все это — проблемы социальной обусловленности творчества писателя, но не в форме обычной еще несколько лет назад для нашего литературоведения постановки вопроса: интересы какой прослойки общества выражал имярек, — а гораздо

⁵ Lieberich H. Studien zu den Proömien in der griechischen und byzantinischen Geschichtsschreibung. München, 1898—1900. Bd. I—II.

⁶ Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». — В кн.: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971, с. 220 и след.

более адекватная для творческого труда проблема: какие «общественные силовые линии» и как прошли через «голову и сердце» писателя и как это отразилось на его творчестве.

Основной вывод И. С. Чичурова звучит явно парадоксально: «...требует принципиальной поправки широко бытующее среди византинистов мнение о типичности сочинения Феофана для византийской историографии. Анализ предшествующей традиции... ясно свидетельствует о новаторстве Феофана» (с. 137). «Новатор Феофан» — само сочетание этих слов, казалось бы, не может вызвать ничего, кроме скептической улыбки (не говорим уже о том, что оно привело бы в неописываемый ужас самого Феофана). И тем не менее в определенном отношении исследователь прав.

P. Lemerle. Les plus anciens Recueils des miracles de Saint Démétrius et la pénétration des slaves dans les Balkans. II. Commentaire. P., 1981, 252 p.*

Работа П. Лемерля не является «комментарием» в строгом смысле этого слова. Перед нами монографическое исследование «Чудес св. Димитрия» как исторического источника и целого комплекса вопросов, связанных с заселением славянами южной части Балканского полуострова. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что труд французского византиниста является самой значительной и интересной работой по этому памятнику за последние 30 лет. Появление критического издания текста любого исторического источника как бы открывает новый этап его изучения. Рецензируемый труд не только подводит итог достижениям предшествующей историографии, автору удалось сделать ряд новых выводов, наметить новые аспекты изучения проблемы. Несомненным достоинством работы П. Лемерля является и строго научный подход к дискуссионным проблемам славянизации региона, четкое и аргументированное изложение авторской позиции по всем вопросам.

Исследование состоит из краткого введения, библиографического раздела, шести глав и четырех приложений, за которыми следуют дополнения, общий указатель и карта Иллирика и Фракии.

Список литературы, составленный автором в хронологической последовательности, содержит 38 (наиболее важных, по мнению П. Лемерля) работ с краткой аннотацией, в которой изложены основные выводы исследователей и в отдельных случаях дана их оценка. Дополнен этот список может быть, пожалуй, только некоторыми работами на славянских языках.

Начальная глава посвящена первому Собранию (с. 27—81). Рассматриваются вопросы авторства и времени создания этого Собрания, его композиции и хронологии отдельных глав. Автором первой книги «Чудес св. Димитрия», как известно, в 6 рукописях назван архиепископ Фессалоники Иоанн, которого

«Хронография» действительно нетипична для византийской историографии; ведь даже анналистическая ее форма — явление для византийской историографии уникальное. Однако в более широком смысле слова «Хронография» — типичнейшее для своей эпохи произведение, поскольку именно в ней отразились характернейшие черты медиевального мироощущения. Последнее прекрасно показал сам И. С. Чичуров.

Мы старались в рецензии продемонстрировать современность методологии И. С. Чичурова. Те же, для кого новая методология все еще нечто «от лукавого», найдут в книге и вполне традиционные и добротные наблюдения и замечания.

Я. Н. Любарский

исследователи условно называют Иоанном I: в отличие от Иоанна II, присутствовавшего на VI Вселенском соборе в 680—681 гг. Его преемником на архиепископском престоле согласно нашему источнику был Евсевий, известный из писем Григория Великого. Композиция Собрания I, отражая главную мысль его автора «написать гимн признательности богу и св. Димитрию», хорошо продумана с точки зрения «логики и последовательности, но не хронологии» (с. 40).

Тематическую подборку «чудес» П. Лемерль определяет следующим образом: первую группу составляют «исцеления телесных недугов» (I, 1; I, 2; I, 3); затем идут «чудеса» (I, 4; I, 5; I, 6; I, 7), связанные с «исцелением духа»; с I, 8 начинается вторая часть Собрания, повествующая о «спасении» всего города или области: I, 8; I, 9; I, 10 — избавление от голода и гражданской войны (несколько обособленно, вне связи с ними, стоит I, 11); на конец оставлены самые «главные чудеса» — «помощь» городу во время войн с «варварами» (I, 12; I, 13—15) (с. 40—44). Таким образом, в разных главах оказались рассказы о событиях, взаимосвязанных и относящихся к одному периоду: I, 3 (чума, предшествовавшая аваро-славянской осаде), I, 13—15 (описание самой осады) и I, 8 (голод, последовавший за ней); I, 12 (пожар в храме св. Димитрия и неожиданное нападение славян) и I, 6 (ремонт кивория, пострадавшего во время пожара). Анализ внутренних хронологических указаний источника позволил П. Лемерлю восстановить последовательность событий, описанных Иоанном, и их примерную датировку (исключение составляют I, 1; I, 2; I, 4, которые, возможно, относятся к более древнему собранию). В целом события Собрания I охватывают почти три десятилетия и приходятся преимущественно на период правления Евсевия, бывшего архиепископом Фесса-

* Нашу рецензию на первый том издания см.: ВВ, 1982, т. 43, с. 256—257.